

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

Памятное лето...

Старожилы не помнят другого лета, с которым можно было бы сравнить злополучное лето 1949 года.

Кому довелось побывать в прикубанской степи, тот непременно слышал от местных жителей слова горькой правды:

Ну, уж и лето! Похожего в наших краях еще не бывало: что ни день, то дождь да еще какой дождь — проливной. Не уборка, а одно расстройство...

Почти месяц шел дождь, как из ведра. Зарядил на второй день жатвы и полоскал почти до конца июля.

Оттого степь прикубанская в августе имела вид необычайный.

Привычно, что в «бархатное» августовское время на полях созревают и ждут уборки только поздние культуры. Бескрайние просторы окрашиваются золотыми красками приближающейся осени...

А в это лето оказалось иначе.

Земля, обильно насытившись влагой и обласканная теплыми лучами солнца, буйно погнала из себя сорняки. За несколько дней сорная растительность вымахнула чуть ли не в косую сажень ростом. От поднявшегося разнотравья вся степь стояла сплошь зеленая. Даже стерня и копны свежескошенной соломы утонули в кудрявых зеленях бурьяна. Ничто здесь не говорило о приближении осени.

Степь такой бывает — и то, когда вдоволь влаги, - в мае. И вот сейчас, в августе, медовый аромат цветущей нивы напоминал о мае...

Только драгоценные цепи золотистых буртов пшеницы, ячменя овса раскинутых по широкому грейдеру, не давали обмануться: уборочная в полном разгаре.

Весь август выдался безоблачный и знойный. Но и это не изменило картины: в степи жировало молодое разнотравье. А как поднялся подсолнух, которым издавна славится Прикубанье, - не всякую шляпку достанешь рукой. Кукуруза вытянулась выше человеческого роста. Суданка обогнала пропашные. И все это стояло зеленой непроглядной стеной.

Лишь темносерые широкие ленты грейдеров разрезают зеленый полог степи.

...Добро в этих краях пассажиру: не засидишься в ожидании попутной автомашины, они здесь движутся живым конвейером. Больше всего — это трехтонки. Ровный гул мощных моторов и разноголосый вой сирен разносятся по полям. Соблюдая, по соображениям безопасности, интервал, грузовики со всех концов степи держат курс на элеватор. Не успеет схватившееся облачко пыли исчезнуть за лесополосой, поднимается новое — и вдоль дороги стелется сплошная белесая завеса.

Шофер без опаски то и дело прибавляет газа и ведет машину на третьей скорости.

Ехали мы от разъезда Григополисского на поля четвертого отделения Темижбекского совхоза.

- Поначалу заедем в Темижбекский к Анне Родимкиной, - сказал шофер, - наберем у нее семенной Ново-Украинки; отвезем пшеницу на третье отделение. А там нагрузимся просом и в Решеватку. На пути у нас будет «Южный». Прямо к воротам совхоза все подкатим...

Шофер попался словоохотливый. Он без конца восторгался прикубанской степью.

- Где только ни ездил, а такой красоты не встречал, - откровенничал водитель. — Может, это потому, что сам, считай, местный, из Ново-Троицкой родом...

В оценках пейзажа мы не расходились. Прикубанье, пожалуй, нельзя спутать никаким другим уголком Ставрополя: в живописной долине среди естественного леса

течет многоводная Кубань; сразу же от ее берегов начинается широкий простор волнистой плодородной степи.

- Сейчас прикубанская степь хоть кому придется по душе, - восторженно говорил шофер. — А вот взглянуть бы на эту степь лет двадцать назад. Совсем иная картина. Здесь же были непролазный бурьян да колючий кустарник — терн, крушина. Раздолье было волкам... Кулакам станиц Темижбекской, Ново-Александровской, Григориполисской принадлежала земля. Они ее считали «неродимой». Слышите, - «неродимой»! До совхоза этой земли ни разу не коснулись ни соха, ни плуг. Извечный пустырь. Сейчас в это и самому верится с трудом, а ведь факт, что здесь была непроходимая глушь. За двадцать лет советской власти - это с тех пор, как созданы совхозы, обжита степь. Верно, земля плодородная... Опять же такой она стала не сама по себе. Сколько выкорчевано кустарника! Сколько уничтожено сорняков! И вот эти лесополосы - совхозники сажали. И пруд вот тот - они выстроили. Сады... А у кулаков эта степь была «неродимой». Так что не зря живем и боремся. А?..

После минутной паузы шофер, словно что-то вспоминая, продолжал:

— В этом году на четвертом отделении Темижбекского звена Анны Родимкиной получило по 34 центнера пшеницы с гектара. Можно и больше взять: в совхозе «Южном», земля рядом, звено деда Помазана сняло с гектара более 35 центнеров. Вот какой стала степь прикубанская...

Вдали показался комбайн. Он утопал в зелени. Казалось, светлосерый катер стоит на рейде в изумрудных просторах волнующегося моря. Приблизившись, мы заметили, что комбайн черепашим шагом двигался к дороге, на которой цепью холмов лежали бурты зерна. Шофер развернул машину и задним ходом подогнал ее к вороху пшеницы.

— Медленно поворачиваешься, добрый молодец, — сердито пробирала водителя звеньевая. — Погодка вишь какая, знай не зевай, — Анна Родимкина дала сигнал звену и женщины дружно принялись грузить в машину зерно.

Замелькали деревянные лопаты, зашуршала золотая россыпь пшеницы. В центре звена, выдавшись вперед, азартно работала Анна Родимкина, женщина со строгими чертами лица, лет сорока, с проворными и крепкими руками.

— Тебе-то Родимкина, паниковать нечего, — весело отозвался шофер. — Убрала свой участок раньше всех и больше всех урожайность получила. 34 центнера не у многих и в хороший год бывает. Так что тебе улыбаться надо, а не кричать на шоферов...

— Все бы тебе зубы скалить, — с прежней серьезностью произнесла Анна Родимкина, — а знал бы ты, как сердце болит, когда такое добро под открытым небом! Ни сон, ни еда не идут... Сколько труда вложено! Надо же по-хорошему до ума довести свою делянку, да и другим помочь. Уборка-то в нынешнее лето сам видишь какая; совхоз наш поотстал. А тебе бы только зубы скалить...

— Уж и улыбнуться нельзя, — сказал заискивающе шофер. — Ты такая же сурьезная, как и дед Помазан... Так то ж дед! Ему по штату положено на нашего брата ворчать, а и то ласковее обходится: «с таким, говорит, молодцом хлеб не подмокнет». Вам вот не угодишь... Ну, ничего, злее будете — скорее уберете.

Мы пошли навстречу комбайну. Видно, как мотовило натужно нагибает на хедер неподатливую густую зелень бурьяна. Слышался злой прерывчатый скрежет режущего аппарата.

— На глаз степь как будто веселая, — глухо произнес шофер, — а на душе кошки скребут.

Комбайнер, держась за штурвал, что-то нервно крикнул трактористу. Тот быстро заработал рычагами и моторы заглохли. Мы подошли к остановившемуся агрегату.

— Эй, Стабровский, и за что тебе красный флажок дали, три дня на одной делянке торчишь. Уборку срываешь, — с нарочитой серьезностью выкрикнул шофер и, не

глядя на комбайнера, сразу же пошел к половокопнителю. Взял и зажал в руке зелено-серую мешанину. Между пальцами просочились струйки мутной жидкости...

Стабровский виновато суетился, осматривая комбайн, но заметив в руке шофера полосу и, видимо, желая полнее объяснить причину невольной остановки, громко прокричал:

- А ты посмотри, что в молотильном аппарате делается; посмотри, что стало с ситами... В комбайне образовалось стоячее болото, все затянуло зеленой тиной. А солома и солома — это же готовый силос. И все-таки 400 гектаров скошил. Это тебе, брат, не за бублик держаться!

Стабровский подошёл к нам. — Вот какая в этом году косовица, - с досадой сказал комбайнер — Натура зерна с каждым днем резко снижается... Н уж не этому удивляюсь. Скорее приходится дивиться тому, как комбайн вообще может косить такое. Одно можно сказать: «Сталинец-6» — прекрасная машина. Без новой техники — в этом году мы по уши сели бы в лужу...

Поднялись на комбайн. Шофер взял из бункера полную горсть зерна. Раздробленные сочные листья сорняков, проникавшие сюда вместе с зерном, окрасили содержимое бункера в бледнозеленый цвет. Пшеница набухла; она рыхлая, влажная.

— С такой на элеватор не показывайся, — шофер зло швырнул горсть пшеницы в бункер. - Сушить ее и сортировать, сортировать и сушить... А время идет и уходит!

По стерне шли молча. Комбайнер шел с опущенной головой, словно что-то искал под ногами. Колосков не было видно. А он все так же продолжал идти. Потом приостановился. Вдали виднелись поля совхоза «Южный». Указывая на них, Стабровский конфузливо сказал:

- Обогнал нас «Южный». Вот иду и думаю: погода, конечно погодой а и от людей многое зависит... Ну, да ничего — и Темижбекский план выполнит. Правда, хороша ложка к обеду...

Видно не в натуре людей Темижбекского совхоза отставать и они тяжело переживали трудности уборки, упорно боролись за их преодоление, идя на штурм стихии.

* * *

Грейдер, напоминающий безукоризненно-накатанное асфальтированное шоссе, пересекает степные просторы и соединяет разъезд Григориполисский со станцией Расшеватка. В страдную пору по этой магистрали хлеба днем и ночью беспрестанно курсируют автомашины. Пожалуй, это самая бойкая дорога в прикубанских степях. Загрузив машину просом, мы выехали на грейдер.

...Утро Степь дышит свежестью. Машина легко катится по наезженному грейдеру. Вдруг впереди показался шлагбаум. Он так ярко раскрашен (темносиние полосы чередуются с белыми), что издали бросился в глаза, как пограничный пункт.

— Это что за невидаль?

- А вы разве не знаете? — искренно удивился шофер. - Чудно. Так это ж граница между Темижбекским и «Южным».

Отсюда начинается земля совхоза «Южного». Теперь это у нас передовой совхоз... Слышали?

Миновав шлагбаум, шофер ловко и энергично перевел скорости и машина понеслась с «ветерком».

— На этом участке наш брат шофер душу отводит, — озорно сказал шофер; он прибавил газу; кивком головы стряхнул шевелюру со лба, сильнее навалился на руль и зорко смотрел вперед сощуренными глазами; на округлых щеках проступил румянец; за окном кабины свистел ветер. — Порядочек... Да в этом совхозе все так, по-хозяйски устроено. Лыскин тут директором, слышали вы про такого? Вот это настоящий директор...

— А вы сами не из этого ли совхоза?

Шофер понял осторожный намек и он ему явно не понравился.

— Что ж, по-вашему, как шофер, так уж и ничего не смыслит, вроде кулика... Только свое и хвалить может, — всерьез проговорил водитель. — Нет, ошибаетесь, гражданин. Что хорошо, то хорошо. Пусть оно будет и в другом, соседнем хозяйстве, а все равно радостно... Везде бы так!

— А где же усадьба «Южного»?

Вдоль грейдера сплошным непроницаемым забором тянулась старая лесополоса, она скрывала поля.

— Вот то-то и оно: сами усадьбу ищите, — шофер при этих словах ехидно улыбнулся уголками рта. — Когда узнаете этот совхоз, не будете задавать подковыристых вопросов. — Шофер был, очевидно, из тех людей, которые быстро забывают обиды. — Со мной вот так же было. Сам я из Ставропольской автоколонны. В 1946 году возил хлеб в здешних местах. Тогда здесь не было шлагбаума, а на грейдере что творилось — весь он был исковеркан: выбоины, колеи, кочки. Не разгонишься — езда на первой скорости и то с оглядкой. Теперь — шлагбаум. Известно зачем: он хорошо дорогу бережет. Дождик пошел — шлагбаум на замок. Сразу после дождя по этой дороге тебя не пустят, чтобы не испортить грейдер. Подсохнет дорога — газуй! Так-то. Но дело не в этом. Еду я сюда хлеб возить в нынешнем году и не вижу «Южного». Думаю, что такое, где же он? Тогда, два года тому назад, он стоял в голой степи и его за десять километров было видно. А теперь он как будто исчез. Он и в самом деле исчез вон в той зеленой дубраве, — шофер выбросил свою крепкую руку в боковое окно кабины и указал на стройные ряды крупноствольных деревьев, из-за которых показывались цинковые и черепичные крыши построек. — Думаю, неужели это «Южный»? Он самый оказался. Вот какие чудеса за два года приключились в этой степи...

— Деревьям надо лет пятнадцать расти, чтобы так подняться, а за два года... Таких чудес что-то не слыхивал.

— Вы опять за свое? — зло посмотрел на меня шофер. —

Вот и вози таких: поговорить по-душам не с кем. Можете слезать...

Машина приостановилась около массивной арки. Она как бы выросла из лесополосы. Лучи нежного утреннего солнца залили написанные золотом слова: «Семеноводческий совхоз «Южный».

Шофер перевел скорости; струйки сизого газа поползли из-под кузова.

— Забыл спросить, как ваша фамилия. Познакомились ведь, а...

— Этого еще не хватало, — с искренним неудовольствием сказал шофер и отмахнулся рукой. Машина плавно тронулась и медленно стала удаляться. Шофер высунул голову в боковое окно кабины и с обидой в голосе крикнул: — сами побудете в совхозе, тогда узнаете, какой я брехун... А еще лучше поговорите с дедом Помазаном...

Он еще что-то кричал, но слова затерялись в лесополосе, шептавшей своей жирной листвой. Трехтонка быстро скрывалась из виду; поблескивало червонным золотом зерно, заполнившее до краев кузов.

В памяти сохранилось красивое лицо словоохотливого здоровяка лет тридцати. Он то и дело встряхивал головой, чтобы сбросить волосы с озорных веселых глаз, струивших голубизну. Сильные руки со следами ссадин широкими ладонями цепко ложились на руль. Вид у него был независимый, полный достоинства и гордости, видимо, от сознания важности своего труда и от ловкого умения заставить сильную машину повиноваться своей разумной воле.

У него и фамилия, должно быть, звонкая и гордая. Жаль, что она не была произнесена...

* * *

Сразу же от арки в глубь усадьбы идет тенистая аллея. Она кажется высоким и длинным коридором. Впереди, справа вырисовывается целая улица из строящихся домов. Большинство из них подведены под крышу, один дом уже поблескивал красной

черепицей. Но вот кончилась аллея и дорога круто повернула налево. Показались белые постройки, утопающие в зелени. Там — усадьба совхоза.

В этот день было воскресенье. Мощный репродуктор, поднятый на верхушку телеграфного столба, оглашал усадьбу и ее степные окрестности звуками музыки и пения. Столб стоял в окружении рослых деревьев акации, гледичии, береста, тутовника. В это покойное свежее утро, освещенное мягкими лучами восходящего солнца, казалось, что в глубине темнозеленой рощи приютилась сказочная птица в серебристом оперении и поет безумолку на разные голоса. «Соловей» Алябьева, струившийся из репродуктора, утверждал в этой мысли...

Приятный металлический голос властно сменил колоратурное сопрано. Диктор вернулся в реальный мир, он читал «Последние известия»:

«Ставрополь. Семеноводческий совхоз «Южный» первым в Ново-Александровском районе выполнил государственный план поставок хлеба. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, коллектив работников совхоза уборку урожая колосовых культур провел за 14 рабочих дней, а план хлебосдачи выполнил за 17 рабочих дней. В государственные закрома засыпано 125 тысяч пудов кондиционных семян». Реальный мир выглядел празднично. Многочисленные прохожие всех возрастов останавливались и, затаив дыхание, слушали, боясь проронить слово. И хотя все, что сообщалось по радио о совхозе, для всех слушателей на совхозной земле и не было новостью, но они слушали с необыкновенным вниманием: все звучавшее из репродуктора воспринималось как всенародная благодарственная похвала за вдохновенный труд во имя любимой Родины, во имя победы коммунизма.

Нарядно одетые люди. Радостные лица. Всюду приятно возбужденное движение. Оживленный обмен мнениями.

- Слышал?
- А то как же...
- Неужели Москва?
- Она самая!
- По всей стране пошла о нас слава!
- Выходит, что так...

Тот, кто слушал передачу «Последних известий» дома, спешит на улицу, чтобы горделиво обменяться веселыми взглядами поделиться словами общей радости.

Людной и шумной стала усадьба. Вот он коллектив совхоза, трудолюбивыми руками которого преодолена стихия и добыта победа!

* * *

Когда-то вся эта прикубанская земля, сколько охватывает глаз, принадлежала одному совхозу — Темижбекскому. Потом, кажется, в 1936 году, от него отошло шестое отделение и оно было названо «Семеноводческий совхоз «Южный».

Так в непосредственной близости стали расти и крепнуть два советских хозяйства.

Масштабы, правда, у них далеко не одинаковые: у Темижбекского земельная площадь более 30.000 гектаров, а у «Южного» — 3435 гектаров.

Нечего греха таить, в этом масштабном различии некоторые работники Темижбекского совхоза находили повод смотреть на соседний совхоз «свысока», как на такое малое хозяйство, которое, мол, не способно сделать «погоды», а посему его можно и не принимать в расчет.

В прошлом случалось работникам «Южного» обращаться в Темижбекский за одолжением сеялки или прицепа... Чаще всего следовал такой ответ:

— Самим нужно. Обойдитесь как-нибудь. Хозяйство маленькое, справитесь своими силами...

А работники «Южного», подбадривая себя поговоркой «мал золотник, да дорог», старались занять свое место в борьбе за могущество социалистического земледелия.

Между соседями и речи не было о соревновании, не говоря уж об официальном договоре. Но близость делала свое дело: соседи не упускали друг друга из вида, перенимали опыт и негласно сличали результаты труда.

И вот в нынешнем году «Южный» взял да и обогнал: в 1949 году он раньше всех выполнил план хлебосдачи; Темижбекский затянул хлебовывоз...

В начале августа директор Темижбекского совхоза Иван Дмитриевич Боев позвонил в «Южный».

— Что делаешь? — хриловатым от усталости басом спросил он директора «Южного» Николая Фаддеевича Лыскина.

— Сам знаешь, что можно делать, когда план хлебосдачи досрочно выполнишь. Мои дела самые разнообразные, — с нарочито подчеркнутым спокойствием произнес Лыскин и тут же с деланным равнодушием стал монотонно перечислять свои разнообразные дела: — только что закурил, а теперь читаю газеты, да вот думаю еще радио послушать на сон грядущий. Надо, брат, культурно жить, — Лыскин явно «разыгрывал» соседа. — Кто хорошо работает, тому не грех и отдохнуть культурно... А ты сколько хлеба вывез?

— 92 процента...

— Плохо. Не к лицу нашему ставропольскому гиганту так тянуть, — сказал иронически наставительно Лыскин. Последовала продолжительная пауза. — Почему молчишь?

Директору Темижбекского совхоза было не до шуток.

— Помоги комбайнами с тракторами, — раздался хриловатый бас.

— Вот это совсем другой разговор. Люблю деловых людей. Сразу видно, что человек хочет бороться за план. С. передовиков берет пример... Что? — Лыскин переменял тон разговора и серьезно сказал: — Зря обижаешься... Кто досрочно рассчитался с государством, тому шутить разрешается. Ну, ладно, ладно, не сердчай. Завтра на рассвете комбайны будут на твоих полях. Что говоришь? А-а-а... Ну, так что ж с того, что маленький... Маленьким совхозом тоже надо уметь руководить... Это я между прочим говорю... Вообще, ты правильно говоришь, что хозяйство хозяйству должно помогать. Хлеб — общее дело. А там — в коммунизме — сочтемся славою. Признаться тебе, конечно, приятно быть передовиком, но еще радостнее, когда вокруг тебя нет отстающих... Вот и хорошо, что ты это теперь понял. То-то же... Жизнь, брат, хороший учитель... Завтра, говорю, наши комбайны будут в Темижбеке.

* * *

В Темижбекском совхозе много рассказывалось о совхозе «Южном», который за последние два года далеко шагнул вперед; о его директоре Николае Фаддеевиче Лыскине — инициативном, энергичном, опытным руководителе, о замечательных людях совхоза — звеньевых Герое Социалистического Труда Крыжановской, Коробкиной, Помазане и других.

Между прочим нетрудно было заметить, что чаще всего упоминалась фамилия человека ранее совершенно неизвестного, но сразу ставшего в центре внимания — деда Помазана. Ходит слух, что этот «дед прошел все науки» и знает все «секреты» как в любую погоду высокий урожай выращивать. Кое-кто не без гордости заключал, что, мол, и в маленьком совхозе могут найтись большие люди...

На ум пришли слова шофера: «Поговорите с дедом Помазаном».

Повидаться с дедом Помазаном в этот день не удалось. Он базаровал в Ново-Александровке. Пришлось довольствоваться рассказами о нем.

...Герой Социалистического Труда Мария Авраамовна Крыжановская угощала завтраком. Простой деревенский стол вынесен из дома во двор под пышнокронную акацию. Рассеянные лучи солнца, пробиваясь сквозь листву, рисовали подвижные причудливые узоры на столе. Хозяйка не ожидала гостей, суетилась вокруг стола.

— Раз пришли, то уже не отнекивайтесь, — приглашает Крыжановская, — садитесь с нами за стол. Чем богаты, тем и рады: вот жареная картошка, курятина, а вот суп, если хотите... Никто не сказал, что к нам гость... Давайте с нами за компанию завтракать. Та вы не стесняйтесь, ешьте...

За столом, кроме хозяйки, сидели ее дочь, лет десяти, и сын лет двенадцати.

— Это еще не вся моя семья. Старший сын сено запасает. Сегодня ему нет выходного, — хозяйка указала рукой в сторону новой улицы. — Видите дом под красной черепицей, а рядом воз с сеном? Это сын сбрасывает с воза сено. Мое индивидуальное строительство. К осени закончим дом и переедем туда. Просторнее будет...

Мария Авраамовна — энергичная женщина лет сорока пяти, плотная, с широким лицом степнячки; здоровый румянец во всю щеку ярко просачивался сквозь густой загар; у нее шустрые, бедовые глаза.

— Так вы про деда Помазана спрашиваете? Да, в этом году его взяло, обогнал меня старик. А знаете почему? — спросила Крыжановская. — Да потому, что старик раньше косить начал. Участок его первым засеял и хлеб на два-три дня созрел раньше.

Но главное, конечно, не в этом. Никаких секретов новых он не открыл. Взял он тем, что сельскохозяйственную науку умело применил. Хоть он и дед, а в работе горячий. Такой не зазеваётся. Расторопный дед. Жадный на дело. На работе и днюет и ночует.

На Ново-Александровской дороге показалась группа женщин. Отделилась стройная высокая фигура и направилась к нам.

— Наши с базара возвращаются, — сказала Мария Авраамовна, — это идет звеньевая комсомольско-молодежного звена Мария Коробкина. Соседи мы с ней и соревнуемся. Знаменитая звеньевая. В прошлом году орденом Ленина награждена.

Мария Коробкина грузно села на свободный табурет и сразу стала рассказывать о своей неудаче.

— Хотела хорошие туфли купить и не нашла по вкусу — сокрушалась она. — Все с какими-то выкрутасами: одни с отрезанным носком, другие все в дырках, а третьи с такими вырезами, что обуешь туфель, а нога босая. А товар как будто хороший. Так и не купила. Вот мы с ней соревнуемся, — Мария Авраамовна в нескольких словах рассказала Марии Коробкиной (они понимают друг друга с полуслова и могут о многом рассказать жестами, глазами) о нашей беседе, та сразу поняла в чем дело и на равных началах включилась в наш разговор.

— Нынешний год приметный, долго будет помниться, — сказала она со вздохом, вытирая пот с молодого красивого лица. — Ну, представьте себе, ни одного дня уборки не проходило без дождя. Зерно держали на лопате...

— Такой год помнится мне, — отозвалась Мария Авраамовна, — был в тысяча девятьсот тридцать первом. Тогда наш «Южный» был еще не отделенный от Темижбекского совхоза. Вот уже помучились люди. Дождь также вот не давал убирать хлеб.

Все в степи погибло. Едва семена собрали...

— Так тогда же, Мария Авраамовна, техника у совхоза была не та, — горячо перебила ее Коробкина, — сами же говорили, что одними косилками убирали. Да и их, косилок было маловато. И той опытности у людей еще не было. А теперь и техника другая и люди как-то переменились, опытнее стали. Теперь так выходит: дождь дождем, а уборка идет своим чередом. Уж какое ненастье было этим летом, а наши звенья ведь собрали урожай: ваше звено, Мария Авраамовна, взяло по 32 центнера и 55 килограммов с гектара, а мое по 31 центнеру. Правда, если бы не это ненастье, и у меня бы получилось самое малое по 35 центнеров, а то и больше бы вышло, чем у деда Помазана.

Мария Авраамовна улыбнулась одними глазами и сказала.

- А дед Помазан взял да и обскакал нас с тобой. В передовики кроме нас с тобой, всякий может выйти... Совхозу от этого только лучше. Сегодня по радио передавалось про наш совхоз Пеедовой — и всем от этого радостно.

- Я не против деда Помазана, - пояснила свою мысль Коробкина. — Да и самой ведь не хочется отставать. Боремся же, чтобы в передовиках быть! Я не против того, чтобы все были передовиками... А деда Помазана все равно обгоню!

* * *

Звеньевые и другие совхозники многое рассказали о деде Помазане, прежде, чем мне довелось с ним встретиться.

... Послали деда Помазана за семенами в станицу Лабинскую. Дело было в начале февраля 1949 года. На обратном пути, около Темижбекского, машина завязла. Пошел такой снег, что сразу завалил все дороги и сделал их непроезжими. Начали расчищать грейдер от снега, подталкивать машину, а она ни с места. Пришлось старику пешком идти в совхоз за трактором, чтобы взять автомашину на буксир.

Степной ветер пробирал до костей разгоряченного деда Помазана... Семена на усадьбу совхоза были доставлены во-время, но старика отправили в районную больницу. Там сказали: воспаление легких. Внимательная и заботливая врач Екатерина Николаевна принялась лечить. Здоровье больного шло на поправку. Но не так быстро, как хотелось. В марте установилась теплая, погода. Снег быстро сошел... На солнечной стороне около домов, земля раскисла, запаровала. На деревьях почки набухли. Звонко защebetали резвые воробьи. Пришла весна...

Дед Помазан потерял покой, стал поговаривать, что ему уже пора домой. Но Екатерина Николаевна и слушать не хотела об этом. Она строго говорила, что он еще не настолько здоров, чтобы думать о выписке из больницы. А солнце с каждым днем припекало все сильнее. Из окна больницы виднелись поля. Они нежились под лучами солнца: белесая дымка стлалась по степным просторам. Аромат чернозема просачивался в форточку...

Однажды Екатерина Николаевна пришла на службу, а след деда Помазана простыл. Он самовольно покинул больничную койку...

В полдень старая женщина, за плечами которой самое малое шесть десятков трудовых лет, выходит на грейдер. Она, слегка сгорбившись, идет деловитой и не по годам торопкой походкой. Постороннему сразу бросается в глаза, что она не на шутку чем-то важным озабочена: идет, а сама нет-нет да обернется, настороженно посмотрит в разные стороны, словно вышла на незнакомую дорогу и проверяет себя — не сбилась ли с пути? — и тем временем поспешает, тихо шурша просторной оборчатой юбкой старомодного покроя.

Старуха в жилистой и еще крепкой руке держит на отлете аккуратный узелок. У всякого встречного она расспрашивает об одном и том же:

— Чи вы не видели мого дида? — И, как бы извиняясь за беспокойство, тут же разъясняет причину своей тревоги: — Куда ж ему сегодня обед доставлять?

Один ответит и при этом даже рукой укажет:

— Дед Помазан вон там... С утра в лесополосе копается.

Другой, не задумываясь, важно, как знающий человек, скажет:

— Как не видеть его? Да он же на своем участке, Ново-Украинку полет...

А третий еще определеннее направит:

— Сегодня, мамаша, далеконок придется шагать: где же ему теперь и быть, как не на сенокосе...

Что не встречный, то новый адрес. Вот и разберись, кто из них прав. Старухе и в голову не приходит, что кто-нибудь подшучивает над ней. Все они говорят чистую правду. Она знает, какой у нее дед непоседа: только за порог — и пошел колесить по совхозу, ищи ветра в поле.

Старуха после таких противоречивых ответов на минуту останавливается в раздумье. В этот момент на ее лице, изборожденном глубокими морщинами, можно заметить выражение гордости, и все ее существо как бы говорит: «вот бачите, все знают мого дида Помазана, все видят его при нужном деле, все знают, что он во всякой важной для совхоза работе участник». Но спустя минуту выражение гордости покидает лицо старухи, уступая свое место откровенной досаде: куда же все-таки идти? Лесополоса — вот она, рукой подать, вытянулась вдоль дороги зубчатым зеленым забором. А Ново-Украинка виднеется вон-вон в далекой степи, слилась там у горизонта с голубым небом и стоит как светло-зеленое море. Сенокос — это совсем в противоположную сторону. Между этими адресами — многие километры. Есть от чего появиться досаде!

Но вот навстречу старухе идет парень. Приблизившись, он сверкнул белоснежными зубами и раньше чем старуха задала свой вопрос, сказал:

— Деда Помазана ищите? На прополке он вон там, видите, к дороге подходит его звено.

Старуха уже привыкла к мытарствам в обеденную пору. После недолгих раздумий она передает из натруженной руки в свежую узелок; делает это бережно, чтобы не расплескать обед, и направляется в степь. Ее широкая кофта, вздуваемая порывами степного ветра, и ситцевый платок, под лучами знойного солнца, отливают серебром и долго белеют на дороге, окаймленной поднимающейся стеной пшеницы, кукурузы, подсолнечника, суданки.

...Борщ взболтался и остыл. Это хоть кому не понравится, тем более деду Помазану, любящему во всяком деле строгий порядок. В другое время по этому поводу в домашнем кругу могло бы произойти и «шумное объяснение». Но сейчас он с явной нарочитостью не замечал этого повода. Терпеливо молчал и аппетитно опорожнял замаслистой ложкой объемистый горшок мясного украинского борща. Обедая он сосредоточеннее обычного и упорно старался не встречаться взорами со старухой.

Конечно, это не осталось незамеченным. За долгие годы совместной жизни старуха хорошо научилась «читать» выражение лица «свого дида». И она прочла: «лучше какой угодно борщ есть та молчать... Зачепы ее, знову понесет такие балачки, шо век не слухав бы. Без понятия моя жинка».

А старуха хлопотами по доставке в поле обеда хорошо была подготовлена к «шумному объяснению». Убедившись, что дед Помазан не намерен использовать «повод», сама — в который раз! — решила образумить непоседу. Она церемонно поправила на голове платок; затянула потуже концы ею, сложенные узелком на подбородке, высмотрела получше место на пышном придорожном разнотравье, и, предварительно расправив юбку, демонстративно села так, чтобы удобнее было поймать взгляд «свого дида» и на этот раз поговорить с ним по-душам.

— Ой и морока же мне с тобой, Яков Игнатович, — сокрушенно сказала старуха. — Когда вже ты угомонишься? Как той комсомолец бигаешь. Знав бы соби одно какое-нибудь дило, та такое, шо ближе до хаты — не прийшло бы есть холодный борщ. Тебе ж шестьдесят пять годов. Смотри, Павел Трофимович Шевченко моложе тебя, а работает человек соби сторожем потихесеньку. И ты б...

— Ну, опять началось. Як той патефон... неначе ее хто заводять, та все одна пластинка, — прошептал дед Помазан, мешая украинские слова с русскими, так глухо прошептал, что вряд-ли старуха расслышала его слова, а сам наружной стороной ладони сердито провел по серебристым усам, потом в жмене зажал жидкую бороду и таким злым взглядом посмотрел на старуху, что она «прочитала» в нем знакомые слова: «Яка же ты у меня, Анна Петровна, несознательная жинка. Горе мини з тобой».

— Ты не дывысь на меня такими страшными глазами, а то, чем чорт не шуткуе, ще перепугаешь, — женской скороговоркой сказала старуха и в голосе уже слышались нотки готовности к примирению, слова ее звучали заискивающе. — Ну, был бы садовником и хватило бы з нас. А то и садовник, и по пшенице звеньевой, и завхоз, и за

лимонами тебе ж беспокойство. Ну, чисто ответственный какой! Богато ли нам з тобой потрибно?

Дед Помазан уже не раз слышал наставления старухи и никогда не скрывал, что они ему не по душе. И теперь он дал понять, что такие разговоры его вообще очень мало интересуют. Он, как только можно было спокойно, закончил обед и тотчас поднялся с земли. Загрубелой рукой с крупными и плохо гнущимися пальцами отряхнул верх фуражки (такого фасона фуражки носят ремесленники) с широким лакированным козырьком и так ловко ее надел, как это любят делать щеголеватые кавалеристы: слегка скосил влево и подал вперед настолько, что козырек своим передним краем почти касался горбинки крупного носа. И сразу человек стал на добрый десяток лет моложе своих лет! Дело, конечно, не в фуражке. Из-под козырька смотрели глубоко сидящие умные глаза, светившиеся огнем неистощимой энергии, бодрости. Только аккуратно подстриженные седые усы да борода, топорщившиеся жестким волосом, напоминали о прожитых годах. На смуглом лице, лоснящемся под лучами солнца, не сразу заметишь морщины. Высокая и еще стройная фигура с раздавшимися в стороны в коленях ногами выдавала в нем бывалого конника и указывала на присутствие крепкого здоровья.

Посмотришь - и видно: зря Якова Игнатьевича Помазана зовут «дедом». И если в совхозе все - и взрослые и дети - его зовут «дед Помазан», то в этом выражается, скорее всего, глубокое уважение к работающему человеку, умудренному большим жизненным опытом. Не нарушим общепринятого в совхозе правила: будем и мы называть Якова Игнатьевича: дед Помазан.

Перед старухой поднялся человек, которому «богато потрибно»; он так поднялся, как будто хотел решительно сказать: «На этом пустым балачкам конец. Теперь за работу».

Старуха не унималась и с еще большей напористостью продолжала свою атаку.

- Хоть кому смешно: человеку шестьдесят пять годов, а ему втемяшилось в голову призывника из себя выхвалять. Шевченко, сам видишь, сторожует, и горюшка не имеет. Учился бы у людей...

Шо ты з Шевченком носишься, - с сердцем отозвался дед Помазан. - Ничего в том нет удивительного, когда человек в сторожах ходит. Кому-нибудь и сторожем надо быть. Только ты меня, Анна Петровна, не,собьешь с линии. И года тут не причем. Шестьдесят пять лет... Ну, и што з того? Не жениться же я збираюсь... А сторожеванье мне никак не подходит. Вот шо. На такое дело меня не тянет. И ты не надрывайся зря. Все равно ничего не выйдет з твоих балачек...

Дед Помазан нервно потоптался на месте, словно колебался: продолжать ли разговор с неугомонной старухой или уйти к звену, уже приступившему к прополке. Потом он сделал несколько шагов и вошел в пшеницу. Жирные кусты Ново-Украинки изумрудом стелились по степи и уже выбросили крепкие стебли. В них утонули голенища сапог. Послушная дуновению жаркого ветра с востока пшеница тревожно волновалась, словно не уверенная в прочности своих корней. Стебли с шумом жались друг к другу и будто шептались о чем-то своем. Дед Помазан нагнулся, запустил руки в зеленую массу пшеничной листвы и засыл в этой позе. Можно было подумать, что он прислушивается к шопоту стеблей, чтобы понять их тревогу. Поднялся он с молодым кустом донника в руках.

Старуха заметила перемену в настроении деда Помазана, он как-то сразу повеселел. «Отлегло» - подумала она.

- Скоро колос покажется. Прочно сидит в земле Ново-Украинка. Такую суховой не возьмет. Надо швыдче вот этих чертей, - дед Помазан бросил куст донника на дорогу, — выжить з поля. Какой урожай будет! Ты ще такого не бачила...

— Откуда ты все это знаешь? Пшеница тоби нашептала? Ворожбей нашелся, — старуха видно уже готова была повернуть гнев на милость и на ее лице снова

появилось выражение гордости за «своего дида», но она все же сказала: — цыплят по осени считают...

— Будет шо по осени подсчитувать, ось побачишь, — дед Помазан весело подошел ближе к старухе и взволнованно заговорил: — Сторожувати, говоришь, как Шевченко? Вспомни наши думки в царское время, когда мы бросили свое бедняцкое подворье в Запорожье и подались за счастьем в Сальские степи. О чем мы тогда думали? Освободиться от бедности там, где богато земли. Поработать вволю — и выйти в люди. А оно и в Сальской степи оказалось то же — помещики, кулаки... Горькой була наша бидняцка доля! Нас, иногородних, та ще з бидноты не считали и за людей. Этого не забыть никогда! И я не забував, когда служил у Буденного. Рубил под Царицыном беляков — за новую жизнь боролся... При советской власти мы з тобой стали людьми. Фашисты хотели отнять у нас счастье, и наши з тобой два сына отдали свои жизни, чтобы разбить врага. Теперь наше счастье — в наших руках. Як хочеться работать и работать! А ты сторожувать...

— И помоложе есть. А тебе и отдохнуть не грех, — вставила старуха. — А то чуть свет встал и до луны...

— Вставать надо раньше, — строго сказал дед Помазан. — Сегодня опять пришел я на конюшню, день только сереть почав, а директор уже тут був, дал всякие распоряжения и поехал в степь. Когда только спит человек — ума не приложу. Никогда раньше Николая Фаддеевича на работу не угадаешь...

— Николай Фаддеевич... а на шо тоби з Лыскиным равняться. Он же совхозный директор, за все ответственный. А ты...

— Теперь все, кто делом занимается, и есть ответственные люди, — с достоинством сказал дед Помазан. — Только ты вот у меня якась безответственная...

— Ответственный... А весною шо было? Чуть было на том свете не учутился, — лицо старухи приняло печальное выражение. — Так на ногах и преставишь...

— Нет, про це ты забудь и думать, моя ненаглядная! — игриво произнес дед Помазан. — Я ж бессмертный! Можешь проверить...

* * *

Только на другой день удалось повидаться с дедом Помазаном. Встреча наша состоялась около совхозного сада. Где встретились, там и уселись, прямо на солнцепеке.

Дед Помазан торопливо застегнул на все пуговицы воротник косоворотки и пиджак, прищуренными стариковскими глазами серьезно разглядывал меня. Это был плохой признак.

Мой собеседник сидел как на иголках. Может быть, потому, что не любил говорить о себе, а, может быть, и потому, что его ждало более важное дело: он шел осмотреть сад и наметить мероприятия по уходу за ним и по подготовке его к зиме. Поведение старика как бы говорило: раз уж вам такая беседа непременно нужна, то ее надо провести как можно побыстрее — и за дело.

— Ваше звено с 20 гектаров собрало по 35 центнеров и 30 килограммов?

Дед Помазан задумался, словно силясь что-то припомнить. Уборка урожая давно закончена и о ней вспоминалось как о сне полном тревоги и упорной борьбы.

— Это правильно, — по 210 пудов с гектара, — отозвался он мечтательно.

— Как вам это удалось? Погодные условия нынешнего года...

— Никакой удачи тут нет, — строго сказал дед Помазан. — Работать надо как следует, тогда и урожай будет.

— Ваше звено собрало самый высокий урожай — в чем причина?

— Поясню вам: не в удаче дело, а в работе, — дед нервно почесал всей пятерней свою седую опрятно подстриженную бороду. — Как говорится: наука и труд—все перетрут...

Дед Помазан рассеянно посматривал по сторонам, точно кого поджидал, и при этом менял позы: то сядет, то привстанет на колени, готовый вдруг подняться и заняться своим делом. Беседа явно не клеилась.

— Умелая работа решает успех дела — это правильно, но ведь надо же знать, что к чему...

— Я же вам говорю: знания наши — от работы и от науки. Вам бы полезнее, чем со мной балажки заводить, — наставительно сказал дед Помазан, — вам бы лучше прочитать постановление партии и правительства. Оно ще в прошлом году осенью вышло. Там хорошо пояснено, от чего может быть большой урожай: от лесопосадок, севооборотов, удобрения и от орошения. Все це мы выполняем — потому и высокий урожай. Могу вам ще сказать вот шо. В 1950 году травопольный севооборот полностью освоим. Трав только немного нехватает. Потому летом посеяли люцерны 210 гектаров, а планивали только 60. Леса весной посадили 11 гектаров, а на целый год намечалось 10. Прудив у нас будет 11 гектаров. Буде где разгуляться сазанам та карасям... Посадили 17 гектаров сада. Своих фруктов буде вдоволь. А парк наш видели? Тоже в прошлом году организовали. Постройками занимаемся: и для себя, и для животноводства. Насчет кормов беспокоимось. Уже силоса заложили 1000 тонн, считай на 200 тонн больше плана. Сена тоже з запасом накопили: по плану було 300 тонн, а у нас заготовлено 450 тонн. Сверх цого есть свекла, тыквы, кормовой арбуз. Так шо и животноводство пойдет швидко в гору. Сейчас у нас вже 280 голов крупного рогатого скота, а в 1940 году було только 80. Таки ж показатели относительно овцы, свиней и птицы... А урожайность, сами знаете, в нашем совхозе самая высокая в районе. С каждого гектара сдали государству 13 центнеров хлеба. В общем работы немало, только поспевай...

Последнюю фразу дед Помазан сказал так, что на этом, мол, и всему разговору конец.

— А Анна Петровна советует в сторожа подаваться и дома горячий борщ есть...

Как услышал дед Помазан эти слова, так его словно кто подменил.

— А вы откуда про це знаете? Чудно мне, — и дед Помазан конфузливо замотал головой. — Верно. Есть такой грех. Знаете в чему тут дело. У нас в степи нет общественного питания, так ото старухе морока — обед носить. Приходится з нею воювать. Анна Петровна — старая женщина, со своими думками... Оно и я вже не молодой человек, а вот дома сидеть, ну прямо сил нияких нема. Мабуть характер у меня такой, я з малолетства люблю работу. Когда без дела — вроде как болею...

— Все же из больницы не следовало бы убежать.

— И это знаете? — дед Помазан как-то виновато заулыбался. Снял фуражку, вытер со лба крупные капли пота. — Ну, и народ у нас, вже все разболтали. Думают, очень все это интересно постороннему человеку. А сами таки ж...

Дед Помазан стал словоохотливее. Перестал суетиться и спешить. С солнцепека он пригласил в сад. В холодке под тенистой кроной абрикоса мы уже беседовали как старые знакомые.

— Вы знаете нашего директора Николая Фаддеевича Лыскина? — спросил дед Помазан. — Вам з ним бы поговорить. Это партийный человек, знающий дело директор. Как он пришел в совхоз, так жизнь в «Южном» пошла по правильной линии. А вы все меня спрашиваете... Еще у нас есть хорошие звеньевые Мария Авраамовна Крыжановская и Мария Коробкина и много других передовиков...

— Так вы же еще ничего не сказали о своей работе: как получили 35 центнеров с гектара?

Дед Помазан снял фуражку и пиджак, пригладил обеими ладонями слипшиеся на голове влажные от пота волосы, откашлялся. Делал он все это с таким видом, будто решался на какое-то тяжелое дело.

— Урожай... что ж тут говорить? Дело простое. Без всяких хитростей. Ну, сами понимаете, сильный урожай з неба не свалится и сам по себе не получается. Тут работа нужна, — сказал он доверительно. — Отвели мне осенью прошлого года 20 гектаров

стерни под припашку. Стерня та была нысокая и густая, з голенище ростом. Подпалил я ее и всю выжег. Зола укрыла землю. Растение, як и мы з вами, в питании нуждается, а зола — хорошая пища для растения. Пахали плугом с предплужником. А он, предплужник, верхний слой почвы вместе з золой сбросил на дно борозды. В это же время плуг другое дело производил: поднимал наверх свежий нижний слой почвы и приваливал им золу. Глубина пахоты не меньше 22 сантиметров. Сам все это, конечно, проверял. Без этого нельзя. Вспахали в начале сентября. Дали взрыхленной почве осесть. После этого 21 сентября, дней на десять раньше других звеньев, посеяли Ново-Украинку. Знаете, что я вам скажу — это хороший сорт пшеницы. И морозы, и жаркие суховеи она хорошо переносит. Высокоурожайная культура. Всходы получились такие, что любо было смотреть, ну, как ковер, стелились зелена. Снегозадержание проводили трактором. Цепляли к нему угольник. И ветки разбрасывали по полю, чтобы больше скопилось снега. Пшеничка наша водопоем была сполна обеспечена. Не мучила ее жажда, когда в мае и июне припекало солнце. Весной удобрения вносили: суперфосфат, калийную соль и сульфатаммоний. Любят растения такую пищу, жируют, як кони от овса. А в апреле смотрю и сорняки поперли. Пришлось провести з ними борьбу. Два раза свой участок пропололи. Ну, конечно, старые лесополосы помогли напоить наши поля и защитить их от зноя. Вот и весь мой сказ. Все дело знаете в чем? В том, что хорошо работало все наше звено, особенно Зоя Ефремова, Мария Тарасенкова, Вера Бухтоярова, Анастасия Иванова. Дружный народ в моем звене, ничего плохого не скажешь. Одно слово — молодцы!

Дед Помазан приблизился к блокноту, будто хотел проверить: то ли в нем записывается, что следует?

— Вы ось шо лучше запишите. Этот год большую науку нам дал, — дед Помазан тыкал своим широким и сильным указательным пальцем в блокнот. — Нужно строить хорошие закрытые тока. Вот шо. Навесы обойдутся копейки, а государству сбережем рубли. Були б навесы, меньше потерь зерна вышло и раньше бы здали хлеб государству. Скажем так: пошел дождь, ну и пусть себе идет; з ним мы все равно ще ничего не сделаем. А хлеб скошенный — в наших руках. Знаете шо в этом году получилось? На одну просушку хлеба, сказать откровенно, израсходовали з пять раз больше, чем стоит вся постройка закрытого тока. От этсго, имейте в виду, и себестоимость продукции имеет зависимость. Теперь ще и так: кончилась уборка — машины под навес. Тоже техники нашей дорогой сохранность получается. Я уже сколько раз говорил об этом нашему директору. Человек он хозяйственный — соглашается. Но слова словами, а вы лучше опубликуйте о закрытых токах, шоб все знали про мою думку... Правда, год на год не приходится, но в народе не зря говоршся: дождь идет не тогда, когда просят, а когда косят.

Дед Помазан расстегнул воротник косоворотки из черного сатина, обнажилась короткая жилистая шея. Порыв ветра, просочившийся со степи в сад, захлопнул блокнот. Дед Помазан проворно сел так, что пересек струю ветра и блокнот оказался в затишке.

— Скажу вам откровенно, доведись такое лето, когда мы занимались единолично хозяйством, пришлось бы сидеть без хлеба, — дед Помазан сощурил глаза, словно что-то припоминал. — Машины нас выручают. Комбайн и трактор — это чудо! З ними всегда будет хлеб... А насчет крытых токов записали? — дед Помазан заглянул в блокнот. — Вы поняли меня? Об этом везде и всюду надо опубликовать! Убирали мы урожай так, как наказывал нам сам товарищ Сталин. Во-время начали и быстро кончили — вот и выиграла. Наше звено раньше всех посеяло и дня на три раньше других начало уборку. В этом вся наша удача. Косить начали 8 июля, а 11 июля уже закончили. Правда, в эти дни пришлось недосыпать и недоедать — не до того было — но зато хлеб вырвали у дождя. Еще вот о чем обязательно напишите: о Николае Фаддеевиче Лыскине. Недолго он, правда, у нас работает — третий год, а видные дела произвел...

Невольно вспомнился белокурый шофер попутной машины.

Дед Помазан поднялся. Он широко, с энтузиазмом размахнул руки, точно порлиному хотел взлететь, в его влажных стариковских глазах блеснула глубокая радость, идущая из недр бесхитростной души вдохновенного труженика. Он сказал:

— Вы видите нашу усадьбу всю в зелени, дома в порядке: починены, побелены. Кругом строительство: вон там заканчивается кирпичный коровник. Рядом — телятник. Левее — каменный свинарник. Еще дальше — силосные ямы. А ще туда посмотрите, где арка — там строится целая новая улица — 20 домов. Это дома для передовиков совхоза. И мой дом там есть. Хотите я могу его вам показать...

Мы пошли напрямик — через сад. Вскоре сад окончился. Перед нами, как из-под земли вырос курень сторожа бахчи. Сразу же от сада шла совхозная бахча. Светлозеленая огудина сплошь оплела несколько гектаров рыхлой земли. В глазах рябило от крупных, разной масти, арбузов и дынь.

— Баштан у нас тут находится временно, — пояснил дед Помазан. — Вся эта площадь будет засажена садом до самой новой улицы. А пока шоб земля не пустовала, кавунами та дынями занимаемся. А как растут!

Сразу же от края бахчи, через дорогу, начиналась новая улица.

— Эту улицу наши люди решили назвать так, — дед Помазан остановился, важно поднял руку, от кулака со значением оттопырился указательный палец: — улица имени Героев Социалистического Труда. Вот этот под красной черепицей — это дом Героя Социалистического Труда нашей Марии Авраамовны Крыжановской. Через дом — мои хоромы...

Дом уже почти готов. Недоставало печки и стекла. Через неделю и это должно быть водворено на место. Осенью предстояло новоселье. Дед Помазан вошел в дом и стал объяснять, где и что будет:

— Это коридор. Направо кладовка для разной продукции. Налеве веранда — для летней надобности. Знаете, когда в комнатах духота, то на веранде бывает самый раз. Снизу на веранду будут тянуться цветы — выюнки и... Та це вже старухино дело. А вот это комнаты: поменьше — кухня, видите вот здесь для печки оставлено место; в большой — будет горница. Так мы распланивали со старухой...

Вышли из дома. Дед Помазан вдруг остановился. Лицо приняло насмешливое выражение. Ему, видно, припомнилось что-то смешное, но он колебался: говорить или не говорить?

— Знаете, шо я вспомнил? — Дед Помазан посмотрел на меня доверчивыми глазами. — З одним чудачком мне пришлось недавно балакать. Так вот он мне и говорит: «Зачем дед Помазан строишься? Все равно скоро умирать, а сыны твои на войне погибли. Кому ж дом достанется?» А я ему отвечаю: «Эх, ты, дурень, та я ж только жить починаю. Только о жизни и думаю. А кто о жизни думает, тот строительство производит... А если, говорю, дом останется, так совхоз не будет в убытке...»

От дома в степь потянулась полоса кукурузы саженного роста, огражденная высоким подсолнечником с огромными корзинками, тяжело гнущимися к земле.

— Весной на скорую руку посеял кукурузу и подсолнух, шоб усадьба зря не пустовала, — сказал дед Помазан. — Вот тут площадка расчищена — це под свинарник. Рядом — курник будет. Будет чем и старухе заниматься. Така ще думка есть: этой осенью посажу около этих сарайчиков тутовник. Ягоды тутовника все лето до поздней осени постепенно спеют и осыпаются. Куры любят их. Для них это витамины первый сорт. Меньше будут на старухины грядки заглядывать.

Мы снова вышли на улицу. Вдоль нее ровными рядами растут акации, гледичии, берест. Деревья разных возрастов — от 4 до 15 лет.

— Улица новая, а деревья уже в годах.

— Вам это удивительно? А оно очень просто. Деревья здесь растут з прошлой осени, — пояснил дед Помазан. — Два года тому назад усадьба совхоза стояла на голом

месте. Наш директор Николай Фаддеевич и говорит: давайте возьмем из старых лесополос хорошие деревья и пересадим на усадьбу. А то во многих местах лесополосы разрослись так, что их надо разредить. Так и сделали: и усадьбу озеленили, и за лесополосой уход получился.

Незаметно угас день. Солнце уже ушло на покой и перестало освещать землю. Луна еще не появлялась. На горизонте исчезал багрянец и все быстрее сгущались сумерки. Вдруг в разных местах вспыхнули огни — сотни электрических ламп осветили усадьбу. Дед Помазан сразу засуетился.

— Эх ты, лышенько ж, чуть було не забудь... Вы думаете, шо я только звеньевоу? Ошибаетесь. Совхоз наш маленький и штат рабочих небольшой. Приходится всем нам разными делами заниматься: и пшеницу растить, и сад разводить, и по хозяйству на усадьбе работать. А теперь еще новая у меня забота — цитрусы разводим. И вот про них чуть було и не забыл. Сейчас как раз пора цитрусовые поливать. Лимон, мандарин, апельсин любят, когда их после захода солнца доливают. Они за ночь спокойно и досыта напьются и тогда веселые поблескивают на солнце.

По дороге дед Помазан рассказал, как нынешней весной он ездил в Сочи на субтропическую опытную станцию и привез оттуда 500 саженцев лимона, апельсина, мандарина. Они высажены в специальные траншеи. Чувствуют себя хорошо, цветет, на некоторых уже образовалась завязь.

— Такого ще не было в прикубанской степи! — дед Помазан показал на два глубоких и широких рва, в которых виднелись кустики цитрусовых. — А раз совхоз взялся за это дело — будут расти. Такое теперь время настало: природа подчиняется человеку. Как Мичурин сказал, нечего дожидаться от нее милостей. Надо самим брать...

Дед Помазан набирал из бочки в лейку воды, согретой за день солнцем и осторожно орошал крохотные деревца. Освещенные луной струйки воды текли цепочками серебристых бус и рассыпались по темнозеленым листьям.

— Пейте и купайтесь, мои дорогие, сколько хотите пейте, да только живите у нас тут. Растите, не пожалкуете, шо до нас приихали, — лейка опорожнилась и дед Помазан обратился ко мне: — Ученый, шо в Сочи, мне рассказывал, как надо за цитрусовыми ухажувать, говорил: наш «Южный» и Крым на одной... как же он сказал? На одной линии... Нет, не так. Ага, вспомнил: на одной параллели стоят — и «Южный» и Крым. На 45 параллели. Вот шо. А в Крыму оци цитрусы вже почем зря разводят. Так шо, говорить, и у нас, в «Южном» они будут жить. На зиму мы им зробимо теплую хату — не замерзнут...

Поливка окончена. Дед Помазан поднялся на вал, образовавшийся из земли, выброшенной из траншей. Вдоль вала на южной стороне траншеи росла полоса кукурузы.

— Только дуже капризна оця культура: боится не только холода, но и жары, — сказал дед Помазан, — пришлось посадить тут полосу кукурузы, щоб она от солнца притеняла траншею и щоб ветер шкоды какой не произвел.

Действительно, кукурузные султаны, тронутые ветром, покачивались в разные стороны, шуршали широкие листья, а в траншее не шелохнулся ни один листок цитрусовых.

— Николай Фаддеевич часто приходит сюда, — продолжал дед Помазан. — Как-то раз посмотрел на цитрусы и говорит: «А знаешь, дед Помазан, какое время подходит? Скоро будет у нас лимонов, мандаринов, апельсинов, ну, как семечек... При коммунизме всего должно быть вволю. И это время приближается с каждым днем». А я ему: «Вижу, не слепой же я человек... Потому к работе, к жизни большой интерес имею». А он мне: «Бессмертный ты человек, дед Помазан. Сам себе своими руками памятник создаешь. Спросят наши потомки: «А откуда в прикубанской степи взялись цитрусы, кто их развел?» Люди ответят: «Это пошло от деда Помазана». Таки пойдет о тебе слава ходить

по всем векам». Сказал я директору тогда: «Хорошая слава – дело, конечно, неплохое. Только я и сам хочу при коммунизме пожить. И поживу!»

Над лесополосой высоко поднялся диск луны и залил серебром полосу кукурузы, среди которой стоял дед Помазан, возвышаясь на валу. В мерцающем лунном свете терялись реальные очертания. Чудилось, будто это сказочный богатырь, усевшись в лодке, плыл по серебряным просторам.

Дед Помазан спустился с вала, стряхнул пыль с одежды, похлопал ладонями и, поправляя фуражку, сказал:

- Пора и по домам. А то старуха ще приревнует....

Седые усы и борода деда Помазана осветились жизнерадостной улыбкой.

Мы попрощались с простым человеком могучей воли, замечательных свершений, увлекательных стремлений.